

На правах рукописи

ПУТИЛО Анна Олеговна

**КОЗЬМА ПРУТКОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА И ТРАДИЦИИ ТВОРЧЕСТВА**

10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2018

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Тропкина Надежда Евгеньевна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Мороз Олег Николаевич*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры публицистики и журналистского мастерства);

Мокина Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики).

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Защита состоится 14 декабря 2018 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 7 ноября 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество и образ-маска Козьмы Пруткова представляют собой уникальное литературное явление, не имеющее аналогов как в период его возникновения и бытования – во второй половине XIX в., так и в настоящее время. Признавая игровую природу и творческую самостоятельность данной литературной маски, мы, тем не менее, вслед за известными исследователями (А.К. Бабореко, П.Н. Берков, Д.А. Жуков, А.К. Жолковский и др.) будем пользоваться определением «творчество Козьмы Пруткова» по отношению ко всем оригинальным произведениям, подписанным его именем. Сам же образ Козьмы Пруткова в силу его полифункциональности и неоднозначности, на наш взгляд, можно охарактеризовать при помощи приставки «квази-»: квазиписатель, квазибиография, квази-реальность и т. д.

Образ Козьмы Пруткова органично вписывается в созданный представителями отечественной словесности конца XIX – начала XX в. своеобразный «театр масок», различающихся по степени отдаленности вымышленного образа от подлинного автора и по формам их взаимодействия. Обращаясь к Козьме Пруткову и называя его своим «литературным дедушкой», сатирики воспроизводили поэтику его творчества и нередко использовали его имя. Так, в первой половине XX в. появились в печати тексты Ивана Кузьмича Пруткова (Б.В. Жирковича), Нового Козьмы Пруткова (А.П. Шполянского), «воскресал» и сам «Директор Пробирной Палатки», чтобы «издать новое произведение» на страницах сатирических журналов. Обращение к приемам, восходящим к традициям его творчества, прослеживается у таких авторов, как Аркадий Аверченко, Влад Азов, Аркадий Бухов, Сергей Максимович, Петр Потемкин. К традициям творчества Козьмы Пруткова обращались обэриуты. В отечественной словесности первой половины XX в. можно обнаружить широкий круг произведений словесности и графики, содержащих в той или иной форме прямое или косвенное обращение к феномену Козьмы Пруткова и к традициям его творчества.

Однако популярность данного образа не вызвала к жизни достаточное количество научных исследований, посвященных его рецепции. В большинстве литературоведческих работ лишь фрагментарно рассматривались проблемы изучения традиций Козьмы Пруткова в творчестве русских писателей XX в.

Таким образом, **актуальность темы** диссертации обусловлена тем значением, которое приобрели образ и творчество Козьмы Пруткова в русской литературе, отсутствием специальных исследований, посвященных рецепции данной литературной маски отечественной словесностью первой половины XX в., а также недостаточной разработанностью в литературоведении вопроса о продолжении традиций Козьмы Пруткова вербальными и паратекстуальными средствами.

Объектом изучения являются произведения русской литературы и культуры первой половины XX в., содержащие обращение к образу Козьмы Прутков и развивающие традиции его творчества.

Предметом изучения являются особенности рецепции образа Козьмы Прутков в русской литературе первой половины XX в. и способы воплощения традиций его творчества в произведениях поэтов и прозаиков этого периода.

Материалом исследования послужили произведения русских поэтов и прозаиков первой половины XX в., содержащие обращение к образу Козьмы Прутков и наследующие традиции его творчества. Это тексты, подписанные псевдонимами *Иван Прутков*, *Михаил Прутков*, поэтические и прозаические произведения Аркадия Аверченко, Сергея Максимовича, Аркадия Бухова, Даниила Хармса, Петра Потемкина, Игоря Северянина, Дон-Аминадо и др.; карикатуры и рисунки Ре-Ми, А. Яковлева, А. Юнгера, В. Еvgана, репрезентирующие литературную маску «Директора Пробринной Палатки», а также архивные материалы, в которых упоминается Козьма Прутков.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить особенности рецепции и репрезентации образа Козьмы Прутков в произведениях русских писателей первой половины XX в. и проанализировать влияние традиции его творчества на литературу этого периода.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) проанализировать функционирование образа Козьмы Прутков как литературной маски с сатирическим пародийным содержанием в пространстве русской словесности первой половины XX в.;
- 2) выявить особенности визуализации образа Козьмы Прутков вербальными и паратекстуальными средствами;
- 3) определить влияние принципов игры со смыслом в многожанровом наследии Козьмы Прутков на творчество русских писателей и поэтов первой половины XX в.;
- 4) рассмотреть трансформацию ведущих жанров творчества Козьмы Прутков в русской литературе первой половины XX в.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

– теоретические труды Б.А. Бегека, В.С. Воронина, Н.И. Кравцова, А.А. Морозова, В.И. Новикова, В.Я. Проппа, Ю.Н. Тынянова, М.С. Харитоновой и др., в которых рассматриваются различные подходы к определению содержания понятий категории комического, теории литературной пародии, категории абсурда в литературе;

– исследования Е.Н. Брызгаловой, М.А. Будагова, Е.В. Воскобоевой, А.З. Вулиса, В.Д. Миленко, О.С. Милотаевой, Л.А. Спиридоновой,

Л.Ф. Ершова, Л.А. Плоткина, С.А. Рейсера, С.Я. Тяпкова, И.Г. Ямпольского, посвященные характеристике отечественной сатиры второй половины XIX – первой половины XX в.;

– литературоведческие работы, анализирующие особенности проблематики и поэтики творчества Козьмы Пруткова (А.К. Бабореко, П.Н. Беркова, Б.Я. Бухштаба, Д.А. Жукова, А.К. Жолковского, О.Н. Кулишкиной, В.И. Новикова, Е.Н. Пенской, О.А. Ронинсон, А.Е. Смирнова, И.М. Сукиасовой, М.В. Юнисова и др.);

– монографии и статьи М.М. Бахтина, Ж. Женетта, Ю.М. Лотмана, М.В. Строганова, Е.Л. Ланна, Е.Ю. Мартыанова, посвященные проблемам поэтики функционирования художественного образа и литературной маски.

В работе использовались историко-генетический, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический **методы исследования** и функционально-типологический подход к художественному тексту, выбор которых был обусловлен поставленными целями и задачами.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые изучены особенности рецепции образа Козьмы Пруткова русской литературой первой половины XX в., впервые выявлено и проанализировано влияние его творчества на отечественную словесность этого периода; введены в научный оборот архивные материалы, связанные с репрезентацией образа Козьмы Пруткова писателями и поэтами первой половины XX в.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в ней углубляется и развивается представление об особенностях литературной маски и специфике ее рецепции в литературе; разработаны теоретические проблемы визуализации литературного образа; развивается и дополняется представление о механизме наследования литературной традиции и о трансформациях литературных жанров.

Практическое значение данной работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы при разработке курсов по теории и истории русской литературы конца XIX – начала XX в., а также при подготовке научного издания Козьмы Пруткова и произведений писателей указанного периода. Материалы диссертации могут найти применение при разработке элективных курсов по литературе в общеобразовательных учреждениях различного типа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Литературная маска Козьмы Пруткова с учетом антиномичной природы его образа объединяет как конкретно-исторические, так и вневременные черты: поэта / бюрократа, гения / графомана, философа / дурака. Сатирики XX в. используют этот образ в качестве одного из средств оценочности новых явлений в социуме, культуре и литературе, акцентируя комплекс его устойчивых черт: эпатажность, анахронизм, нарицательность

и поливалентность – способность соединяться с другими сатирическими образами и дополнять их.

2. Образ Козьмы Пруткова актуализируется и визуализируется в русской литературе первой половины XX в. не только путем прямого обращения к текстам данного квазиавтора, но и с помощью вербальных и паратекстуальных источников, портретных и карикатурных изображений. Данный процесс происходит с опорой на заложенную авторами-создателями денотативную и коннотативную содержательно-фактуальную, а также подтекстовую информацию, которая визуализирует неизвестные ранее фрагменты «биографии» и образа Козьмы Пруткова.

3. Поэтика абсурда, присущая творчеству Козьмы Пруткова, оказала значительное влияние на развитие приемов игры со смыслом в русской литературе первой половины XX в. Такие художественные принципы, как фабульный и структурный алогизмы, языковая игра, нашли отражение в творчестве целого ряда писателей-сатириков, в частности в произведениях Д. Хармса, А.П. Барыковой, Ивана Пруткова (Б.В. Жирковича) и др.

4. В русской литературе первой половины XX в. получили развитие жанровые традиции, сложившиеся в поэзии и драматургии Козьмы Пруткова. Наибольшие изменения претерпели такие жанры, как басня и афоризм, что обусловлено их репрезентативностью в творчестве самого квазиавтора. Сущность трансформации сводилась к разрушению жанровых канонов вследствие обращения к игре со смыслом в различных ее проявлениях, прежде всего, к алогизму, пародированию и парадоксальности.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приемы исследования; репрезентативен материал исследования, который включает широкий круг произведений русской литературы XX в.; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей в Москве, Волгограде, Тамбове.

Апробация материала диссертации осуществлялась на LXIV, LXV, LXVI научных конференциях студентов ВГСПУ (Волгоград, 8 апреля 2011 г., 6 апреля 2012 г., 13 апреля 2013 г.); XVII, XVIII, XX, XXI, XXII региональных конференциях молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, 8 ноября 2012 г., 10 ноября 2013 г., 8 декабря 2015 г., 9 ноября 2016 г., 21 ноября 2017 г.); VII и IX международных научных конференциях «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (28–30 октября 2013 г., 27 ноября 2017 г.); VII Международной научной конференции «Восток – Запад: Типология пространства в русской литературе и фольклоре», посвященной 90-летию со дня рождения Д.Н. Медриша (Волгоград, ВГСПУ, 15 декабря 2016 г.); XIV, XV, XVI, XVII междуна-

родных научно-практических конференциях «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 14 мая 2013 г.; 13 мая 2014 г.; 19 мая 2015 г.; 24 мая 2016 г.).

По теме исследования опубликована 21 работа в изданиях Москвы, Тамбова, Волгограда, включая 3 статьи в изданиях из списка, рекомендованного ВАК Минобрнауки России.

Поставленные задачи определили структуру диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 303 наименования, и приложения, в котором представлены графические изображения Козьмы Пруtkова, а также архивные материалы (РГАЛИ), содержащие произведения, написанные последователями и подражателями Козьмы Пруtkова.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются актуальность темы диссертации, объект и предмет исследования, научная новизна, теоретико-методологическая база, методы исследования, намечаются цель, задачи работы, охарактеризована ее теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлена апробация работы.

В **первой главе «Репрезентация образа Козьмы Пруtkова в русской литературе первой половины XX века»** рассматриваются особенности художественного феномена Козьмы Пруtkова, ставшие предпосылкой рецепции его образа в русской литературе и культуре первой половины XX в.

Параграф 1.1 «Антиномичность образа Козьмы Пруtkова и ее рефлексии в русской литературе» посвящен характеристике двойственной природы квазиавтора. К анализу его литературной маски и творчества обращалось множество исследователей, в числе которых А.К. Бабореко, П.Н. Берков, Б.Я. Бухштаб, Л.К. Граудина, Т.Н. Гурьева, Д.А. Жуков, А.К. Жолковский, А.Е. Смирнов, М.В. Юнисов и др. Так или иначе, каждый из литературоведов по-своему трактовал природу образа Козьмы Пруtkова, который определялся как «коллективный псевдоним» (Т.Н. Гурьева), результат диффузии «мистификации» и «литературной маски» (Д.А. Жуков), пародийная маска литератора, которая соответствует театральной природе прутковского мира (Е.Н. Пенская). С нашей точки зрения, созданный коллективом авторов Козьма Пруtkов наделен свойствами уникальной «личности», «творческой индивидуальностью», поэтому уместно говорить о нем именно как о литературной маске и об особом случае мистификации. Пародийность образа Козьмы Пруtkова основывается на механизации приема мистификации, хотя его создание не было в традиционном смыс-

ле термина мистификацией: никто не принимал этот образ за реально существовавшую личность, о вымышленной природе поэта-бюрократа было известно широкой общественности. Однако при этом Козьма Прутков является не только литературной маской, но и пародией на мистификацию, поскольку сам процесс создания и утверждения права на существование его «личности» превратился в игру.

В русской литературе конца XIX – начала XX в. было актуально обращение к литературной маске – можно сказать, что это был своего рода «театр масок». Такая форма диалога с читателем оказалась весьма популярной. К литературной маске обращались и в сфере сатирического творчества, и за его пределами. Сатирическая маска была не только игровой формой подачи материала, но и весьма эффективным художественным средством, позволяющим расширить границы творческого эксперимента.

Влияние Козьмы Пруткова ошутимо сказалось на творчестве многих писателей: Дон-Аминадо, подписывавшего свои афоризмы, остроты, каламбуры псевдонимом *Новый Козьма Прутков*, Б. Жирковича, создавшего сатирическую маску *Ивана Кузьмича Пруткова* – «достойного сына своего незабвенного отца»; «“прутковщина”, обогащенная психологическим анализом, свойственным сатире XX в., послужила моделью масок Аверченко, Потемкина, Горянского, Саши Черного и др.»¹. В диссертации рассматривается широкий круг явлений, определяемых рецепцией образа Козьмы Пруткова и создаваемых по модели его литературной маски. Отметим, что, с одной стороны, в условиях всеобщей театрализации, игры и карнавализации начала XX в. псевдонимы становятся не просто элементом традиции, а одним из художественных приемов, определяющих творческое «я» художника, а также формирующих читательское ожидание. С другой стороны, в русской литературе этого периода возникают и мистификации высокой степени убедительности, когда современники не догадываются об истинном авторстве произведений. Среди литературных мистификаций начала XX в. можно выделить историю Черубины де Габриаки (Е.И. Дмитриевой), Элеоноры фон Ноттенберг (Елены Гуро), Анжелики Сафьяновой (Лев Никулин). Наиболее показательна в аспекте нашего исследования последняя из них. Первые стихотворения под именем Анжелики Сафьяновой появились на страницах журнала «Сатирикон» в 1913 г., а позже, в 1918 г., в Москве издательство «Зеленый остров» опубликовало книгу «История и стихи Анжелики Сафьяновой с приложением ее родословного древа и стихов, посвященных ей». В предисловии упоминалось, что поэтесса была дочерью сенатора и внучатой племянницей Козьмы Пруткова.

¹ Спиридонова Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977. С. 288.

Несомненно, литературная маска Козьмы Пруткова существенно повлияла на развитие традиции мистификации в XX в., а сам он послужил «моделью» для создания и интеграции в культуру образа мифического автора. Таким образом, можно сделать вывод об антиномичности образа Козьмы Пруткова, который соединил в себе черты литературной маски и пародийной мистификации.

В параграфе 1.2 «Пародийная природа творчества Козьмы Пруткова и ее рецепция в русской литературе первой половины XX века» рассматриваются различные грани пародийной сущности образа Козьмы Пруткова. Восприятие и понимание произведений литературной маски осложнено в силу ее игровой природы. В «Письме известного Козьмы Пруткова к неизвестному фельетонисту “С.-Петербургских ведомостей” (1854 г.) по поводу статьи сего последнего» сам квазиавтор отрицает пародийную сущность своего творчества, причем толкование механизмов данного явления у Козьмы Пруткова значительно осложняется тем, что он отказывается от роли пародиста. Указанное письмо помещается перед текстами во всех собраниях сочинений Козьмы Пруткова, включая первое издание, подготовленное братьями Жемчужниковыми в 1884 г. Таким образом, с самого начала знакомства с творчеством Козьмы Пруткова возникает игра с читателем: последнему внушаются сомнения относительно пародийной природы помещенных в книгу текстов, что не только не уменьшает их пародийное звучание, но и, напротив, многократно его усиливает.

Существует целый пласт стихотворений, в которых предметом пародирования становится идея исключительности поэта-романтика. Это, в частности, произведения, в которых дается его самохарактеристика: «Мой портрет» и «От Козьмы Пруткова к читателю в минуту откровенности и раскаяния».

В стихотворениях Козьмы Пруткова лирический герой изображается в рамках романтической традиции, например, в произведении «Мой портрет» пародируется романтический мотив избранничества поэта:

*Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг;
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
<...>*

*Кто ни пред кем спины не клонит гибкой, –
Знай: это я!..
В моих устах спокойная улыбка,
В груди – змея!²*

² Прутков К. Плоды раздумья. Избранное. М.: Комс. правда, 2006. С. 10.

Лирический герой здесь – мрачный одинокий страдалец, взирающий на толпу с презрением. Похожее описание содержится и в стихотворении «От Козьмы Пруткова к читателю в минуту откровенности и раскаяния». Образ поэта в случае пародирования романтической стратегии поведения переходит в игровой тип, когда гротесковые черты приобретают и сам лирический герой, и его поступки, что, в свою очередь, разрушает поэтику всего произведения. Понимание литературной маской Козьмы Пруткова поэтики романтизма обличает безвкусию и актуализирует еще один объект пародирования – графоманство.

В начале XX в. возникает и стремительно развивается символизм, причем поведенческая модель этого литературного направления, «связанная с эстетизацией бытового поведения, приближается к жизнотворческим стратегиям романтиков»³. Последнее объясняет, почему для авторов начала XX в. оказываются близки пародийные мотивы Козьмы Пруткова, которые в литературном бытовании символизма становятся одной из форм полемического диалога.

Разумеется, пародирование, восходящее к образу Козьмы Пруткова, не ограничивается романтизмом, оно представляет собой осмеяние множества элементов культурно-исторического строя современной квазиавтору России. При этом пародируемые объекты могут вступать между собой в противоречие или взаимодействовать парадоксальным образом. Внутренняя неопределенность образа Козьмы Пруткова подчеркнута и комментарием автора к одной из строк стихотворения «Мой портрет». В сноске предложен выбор: «который наг» или «на коем фрак». Этот прием раскрывает внутреннюю антиномичность образа Козьмы Пруткова, который был не только поэтом, но и «директором Пробирной Палатки», учреждения, созданного для наложения пробы на золотые и серебряные вещи. Сочетание в едином образе заведомой ложности, вымышленности и указания на должность профессионального эксперта по подлинности сближает пародийный образ Козьмы Пруткова с архетипом трикстера – комического дублера культурного героя, который как универсальный образ встречается в фольклоре разных народов. Итак, объектами осмеяния в творчестве Козьмы Пруткова выступают и романтическое мироощущение, и бюрократическая сущность, присущие ему как внутренне антонимичной пародийной личности.

Особую роль в создании литературной маски Козьмы Пруткова играет эпатажность как черта его творческого «я» и как свойство его произведений. Наследие К. Пруткова отличается нарушением общепринятых этических, эстетических, языковых норм, что способствует созданию эпати-

³ Худенко Е.А. Жизнотворчество русского романтизма и символизма: поведенческие стратегии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 44.

рующего эффекта. Прутковский эпатаж – это художественный прием, направленный на провокацию и шокирование читателя с целью вызвать у последнего реакцию осмеяния пародируемого явления. Одним из приемов эпатажа является свойственное образу Козьмы Пруткова открытое восхищение собственной гениальностью, когда автор сам себя «возводит на пьедестал почета» и сам на себя «надевает лавровый венец». Образ К. Пруткова, а также используемые им принципы эпатажа – это особая форма литературной провокации, имеющая своих последователей, поэтому мы полагаем уместным говорить о формировании такого культурного явления, как «прутковский эпатаж», оказавший влияние на Игоря Северянина и Даниила Хармса. Представленный в диссертации анализ позволяет выявить воздействие традиций, сформировавшихся в творчестве Козьмы Пруткова, на русскую литературу последующих лет. Общность иронического и пародийного дискурсов такого рода, включающих отдельные проявления прутковского эпатажа, обнаруживается и в творчестве символистов, и в поэзии эгофутуристов, и в стихах ОБЭРИУ.

Итак, объекты пародии литературной маски Козьмы Пруткова свидетельствуют об антиномичной природе этого образа, которому присущи как конкретно-исторические, так и вневременные черты: поэт – бюрократ, гений – графоман, философ – дурак.

В параграфе 1.3 «Козьма Прутков в пространстве русской словесности первой половины XX века» анализируются различные типы присутствия этого образа, уже к началу XX столетия ставшего нарицательным, в литературе указанного периода. Мы выделяем следующие типы обращения русской словесности к образу Козьмы Пруткова:

1) мистификация творчества Пруткова, вызванная заимствованием его имени в различных вариациях: от *Козьма Прутков* – до *К. Прутков*, *Кузьма Прутков* и др.;

2) использование псевдонимов «генетических наследников» Пруткова: *Иван Прутков*, *Михаил Кузьмич Прутков*, *Матвей Прутков*, *Внук Кузьмы Пруткова*, *Козьма Козьмич Прутков*, *Козьма-сын-Прутков*;

3) создание псевдонимов на основе измененного имени Пруткова: *Матрос 1-й степени Прутков*, *Прутков первой формации*, *Прутков-младший*, *Прутков 2-й Кузьма*, *Кузьма (не Прутков)*;

4) заимствование имени в названии произведений с целью указания на преемственность поэтики, прежде всего – на присущую произведению Козьмы Пруткова поэтику абсурда;

5) заимствование имени в названии произведений с целью оценки реального события, явления, личности через призму образа Козьмы Пруткова.

К первому типу – литературной мистификации, связанной с использованием имени Козьмы Пруткова, – можно отнести произведения, соз-

данные в 1880-х гг. Анной Павловной Барыковой (1840–1893), русской поэтессой и переводчицей. В РГАЛИ хранится машинописный гектографический оттиск стихотворения-шаржа А.П. Барыковой «Весна в Германии», которое представляет собой пародию на произведение К.М. Фофанова, выполненную в традициях Козьмы Прутков⁴.

Второй тип – «генетические наследники» имени Козьмы Пруткова – появляется в основном на страницах сатирических журналов начала XX в. Под псевдонимом *Козьма Козьмич Прутков* публиковался поэт Дмитрий Николаевич Семеновский в журнале «Пересмешник», *Матвеем Прутковым* именовал себя Матвей Алексеевич Козырев в журнале «Развлечение», под именем *Кузьма-сын-Прутков* на страницах журнала «Будильник» печатался Влас Дорошевич. Во всех описанных выше случаях использование имени Козьмы Пруткова авторами-сатириками носило эпизодический характер. Однако среди «генетических наследников» Козьмы Пруткова встречаются авторы, в творчестве которых обращение к имени и образу квазиписателя занимало значительное место. Самым известным из них является Иван Прутков – под этим псевдонимом вошел в литературу Борис Владимирович Жиркович (1888–1943). От имени литературной маски Ивана Пруткова Б.В. Жиркович создавал литературные пародии, публиковавшиеся в журналах «Нива», «Сатирикон», «Новый Сатирикон», позднее, уже в советское время, – в «Красной газете», «Пушке», «Бегемоте», «Гудке», «Смехаче», «Ревизоре». Чаще всего Б.В. Жиркович обращался к жанру басни, кроме того, был автором сборников юмористических рассказов и стихотворений «Взгляд в корень» (1926), «Всякое такое» (1926), «Веселая путаница» (1927), «Для потомства» (1928), «Приключения Евлампия Карпыча Надькина» (1928) и др.

Еще один «генетический наследник» Козьмы Пруткова – Михаил Васильевич Лузгин (1899–1942). Его фельетоны за подписью *Михаил Кузьмич Прутков* печатались во время Великой Отечественной войны во фронтовых газетах в разделе «Красноармейский юмор». Более детальной информации о творчестве писателя под литературной маской Козьмы Пруткова нет ни в одном из существующих словарей литературных псевдонимов XX в., однако в РГАЛИ хранятся машинописные автографы с правками и газетные вырезки, подписанные *Михаил Кузьмич Прутков*. Замечательно, что в большинстве случаев прямой факт авторства отрицается, на что указывают сами подписи: *Нашел старый разведчик Михаил Кузьмич Прутков; Собрал Михаил Кузьмич Прутков; Составил – разведчик Михаил Кузьмич Прутков*. Такого рода подписи продолжают литературную игру, начатую Козьмой Прутковым. Фельетоны М.В. Лузгина посвящены сатирическому изображению фашистской армии: критике комиче-

⁴ РГАЛИ. Ф. 1229. Оп. 1. Ед. хр. 130. С. 3.

ского запрета позитивных писем («Бодрые письма») или пессимистических солдатских рассуждений («Тяжелый случай»); несостоятельности немцев в военном деле («Бинокль») или обличению пороков солдат и офицеров армии вермахта, их жестокости, трусости, жадности и т. д.: «Берлин коммерческий», «Фриц возвращается на родину», «Друг обер-лейтенанта Хлюппа»⁵. Однако, несмотря на отсутствие прямых тематических переключек, фельетоны М.В. Лузгина близки текстам Козьмы Пруткова по своей поэтике. Традиции творчества Козьмы Пруткова проявились и в произведении М.В. Лузгина, написанном в жанре сатирического толкового словаря. Это объемное произведение, печатавшееся фрагментами в газетах, в целом выполнено в традиции абсурдных афоризмов Козьмы Пруткова и его же «Азбуки для детей Козьмы Пруткова».

Имя Козьмы Пруткова использовал и Александр Алексеевич Соколов (1840–1913) – журналист, драматург и романист, публиковавшийся под псевдонимом *Внук Кузьмы Пруткова*. Следует отметить определенную «родственность» творчества «деда» и «внука», проявившуюся в тематической и жанровой преемственности, на что указывают, в частности, заглавия произведений: «Мысли и афоризмы» (Козьма Прутков) / «Мысли и мыслишки» (Внук Кузьмы Пруткова).

Следующий тип – псевдонимы на основе измененного имени Козьмы Пруткова – встречается в периодике первой половины XX в., но характеризуется гораздо меньшей степенью проработанности связей с образом Пруткова. Так, Михаил Авраамович Филиппов (1828–1886) время от времени публиковался на страницах сатирических журналов не только под псевдонимом *Козьма Прутков*, но и под именами *Козьма Прутков первой формации* и *Прутков 2-й Кузьма*.

Следующий тип обращения к имени и образу Козьмы Пруткова на страницах сатирических журналов основан на использовании его имени в названии произведения. К этому типу можно отнести, например, произведение «Из недописанных творений Козьмы Пруткова»⁶ с подписью *Прутков (не Козьма)*.

Отдельные тексты актуализируют образ Козьмы Пруткова без указания его авторства. Например, в журнале «Стрекоза» за 1907 г. мы находим анонимное стихотворение «Бди!»:

*Завет Кузьмы Пруткова
Храни всегда в груди,
Одно всего лишь слово,
Одно всего лишь: «Бди!»⁷*

⁵ РГАЛИ. Ф. 1828. Оп. 1. Ед. хр. 25.

⁶ Стрекоза. 1916. № 6.

⁷ Там же. 1907. № 30. С. 6.

К этой же категории можно отнести афоризмы, напечатанные в первом номере журнала «Стрекоза» за 1908 г. под общим заголовком «Изъ Кузьмы Пруткова» с подписью *Собакевич 2-й*. Они написаны в духе прутковской афористики.

Последний из выявленных нами типов функционирования образа Козьмы Пруткова – заимствование имени в названии с целью оценки события, явления, личности и т. д. – предполагает не только эпизодическое включение произведений, ориентированных на традиции Козьмы Пруткова, в периодику, но и более широкое его внедрение в пространство русской культуры первой половины XX в. – в работу творческих объединений, театров.

Своего рода апогеем «почитания» «литературного дедушки» стало создание в 1913 г. «специального номера о Кузьме Пруткове», посвященного 50-летию со дня «смерти» поэта. Этот выпуск журнала включал литературные произведения писателей и поэтов – сатириков, как весьма известных, так и менее популярных. В числе авторов литературных текстов назовем А. Т. Аверченко (публиковавшегося в том числе и под псевдонимом *Ф. Опискин*), В. В. Князева (он же – Джо и Вильгельм Теткин), Каина (О. И. Дымова), Евгения Венского (Е. О. Пяткина), Влад. Азова (В. А. Ашкинази), Дунина Мужа, С. М., А. С. Бухова, П. П. Потемкина и двух «сыновей» юбиляра – Иваникла Пруткова и Ивана Пруткова (Б. В. Жирковича). В номер были включены рисунки художников Ре-Ми (Н. В. Ремизова-Васильева), Мисс (А. В. Ремизовой), А. А. Юнгера, Я. Е. Яковлева. В журнал вошли подражания Козьме Пруткову, перепевы его произведений, тексты, содержащие суждения о значимости его личности для литературы, культуры и жизни общества, а также произведения, основанные на мистифицированных фактах личного знакомства с квазиписателем.

В этом же номере под заголовком «Его карьера» опубликовано сочинение о месте Козьмы Пруткова в истории России, подписанное псевдонимом *Каин*, принадлежавшим О. И. Дымову. По своей структуре напоминающее эссе, оно кратко по объему и содержит всего около 350 слов. Это произведение сосредоточено на разрешении вопроса, сформулированного автором в первом же абзаце: «Интересно спросить себя:

– Чем теперь сделался почтенный юбиляр? Какую карьеру сделал Кузьма Прутков?»⁸.

При широком внедрении образа Пруткова в периодику можно объективно утверждать, что опубликована на страницах журналов была лишь небольшая часть произведений, содержащих творческое восприятие его образа. В архиве хранятся также статьи с названиями «Нечто Кузьма Прутковское»⁹ и «Нечто из Кузьмы Пруткова»¹⁰. В числе неизданных ма-

⁸ Сатирикон. 1913. № 3. С. 10.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2245. Оп. 1. Ед. хр. 1. С. 4.

¹⁰ Там же. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 124.

териалов в РГАЛИ хранится и стихотворение Сергея Павловича Максимо- вича (он же – Сергей Анненков) «Козьма Прутков»¹¹. Прочитируем стро- ку из него: «А может быть он жил! – / И жизнь в него вплелась» – она, на наш взгляд, наиболее ярко отражает природу функционирования образа Пруткина в сатирической литературе XX в.

Во многих случаях обращение к феномену Козьмы Пруткина явля- лось анахронизмом по отношению к реалиям иного исторического време- ни. Например, в эссе «Его карьера» образ Козьмы Пруткина поливалентно соединился с образом чиновника начала XX в.

Динамика образа «Директора Пробирной Палатки» не имеет хроноло- гических рамок, его эволюция продолжается и по сей день, что обуслов- лено игровой природой этой литературной маски. Как уже сказано выше, образ Козьмы Пруткина имеет подробно проработанную биографию, в ко- торой строго определены его «даты жизни»: 11 апреля 1803 г. – 13 января 1863 г. Тем не менее указанный период носит весьма условный характер и не совпадает с границами литературного творчества Пруткина, тем бо- лее не отражает динамику его образа. Во многих случаях обращение ли- тераторов первой половины XX в. к образу Козьмы Пруткина влекло за собой анахронизм, который сводился к появлению специфических харак- теристик: поэт-бюрократ, помещик и дворянин, чиновник высокого ран- га, графоман, самовлюбленный хвостун.

Итак, все вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что дина- мически развивающаяся в пространстве русской культуры литературная маска Козьмы Пруткина является вневременным образом с сатирическим и пародийным содержанием. Его рецепция стала возможной благодаря на- рицательности и поливалентности – способности легко соединяться с дру- гими сатирическими образами и дополнять их.

В параграфе 1.4 «Визуализация образа Козьмы Пруткина литерату- рными и паратекстуальными средствами» дается анализ словесных и изо- бразительных способов воплощения образа Козьмы Пруткина. В парагра- фе рассматриваются различные тексты, в которых, по законам литератур- ной игры, приводятся «воспоминания» о встречах с Козьмой Прутковым. Так, в принадлежащих перу А. Аверченко «Моих личных воспоминани- ях о Кузьме Пруткине» автор имитирует реальную фактографию с указа- нием времени и места их встречи. Визуализируя образ Козьмы Пруткина, выделяя основные черты его «характера», Аверченко акцентирует внима- ние на самом известном определении – графоман. Очевидна особая остро- та текста Аверченко: он вспоминает не только о предмете своих «мемуа- ров», но и о тех писателях, с которыми ему приходилось ежедневно стал- киваться как редактору литературного журнала.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 728, 1930–1931.

О личном знакомстве с Козьмой Прутковым упоминает и другой автор специального выпуска журнала «Сатирикон» – А. Бухов в «Критико-биографической заметке», которая предваряет публикацию двух басен, якобы написанных Козьмой Прутковым и оставленных им на сохранение А. Бухову. С позиции переосмысления творчества Козьмы Пруткова подошел к визуализации его образа и создатель произведения «Новое о Косье Петровиче», напечатанного под псевдонимом *Вильгельм Теткин*, – В.В. Князев. В этом тексте, написанном в жанре комментария, мы видим авторское переосмысление образа Козьмы Пруткова, созданное путем дополнения его биографических данных и пародирования научного исследования.

Таким образом журнал «Сатирикон» создает мифы о личной или семейной дружбе с Козьмой Прутковым. Квазифакт взаимодействия подлинного и вымышленного авторов разрушает границу реальности и «перемещает» Козьму Пруткова из историко-литературного пространства конкретной эпохи в хронотоп, сконструированный на основе временного допущения. В итоге на основе квазифактов, созданных на страницах журнала, происходят визуализация и актуализация образа Козьмы Пруткова. Одним из способов визуализации является использование паратекстуальных элементов. Вслед за самим Козьмой Прутковым его последователи и «исследователи» используют такие приемы, как вариативность текста, квазикомментарии.

Анализ изображений Козьмы Пруткова, представленный на страницах журнала «Сатирикон», прежде всего работ художника Ре-Ми (псевдоним Н.В. Ремизова), свидетельствует о том, что, графически переосмысливая содержательно-фактуальную (И.Р. Гальперин) информацию, художники включают в композицию карикатур узнаваемые образы, источником которых были самые популярные произведения Козьмы Пруткова. Происходит данный процесс с опорой на денотативную и коннотативную содержательно-фактуальную информацию, заложенную авторами-создателями бессмертного образа. Весьма эффективно применяется также и подтекстовая информация, которая визуализирует фрагменты «биографии» и образа Козьмы Пруткова. В итоге рецепции данного феномена в русской литературе и культуре первой половины XX в. создается образ, который строится по законам, predeterminedенным поэтикой творчества квазиавтора.

Во второй главе «Традиции поэтики Козьмы Пруткова в русской литературе первой половины XX века» предметом изучения является влияние художественного строя прутковского творчества на поэтов и прозаиков прошлого столетия.

В параграфе 2.1 «Игра со смыслом у Козьмы Прутков и ее традиции в русской литературе первой половины XX века» дается анализ различных форм литературной игры в текстах квазиавтора и рассматривается ее влияние на русскую литературу. Одним из главных принципов творчества Козьмы Пруткова является абсурд, который определяется внутренней противоречивостью его авторской позиции, сформировавшейся в результате сотворчества коллектива создателей. В творчестве Козьмы Пруткова законы логики реального мира не просто нарушаются, они для произведений Пруткова и не существуют, т. к. область, в которой находится образ и, соответственно, все его творчество, также выходит за границы реальности и подчиняется своим внутренним законам. Однако квазиреальность, в которой находится Козьма Прутков, взаимодействует с объективной реальностью существования читателей и авторов-создателей. Квазиписатель входит в пространство русской литературы, но функционирует в ней в соответствии со своей игровой природой.

Рассматривая абсурд и парадокс на примере пародий и эпиграмм Козьмы Пруткова, особое внимание следует уделить жанру отрывка в его творчестве. Мы выделяем три разновидности этого жанра: собственно отрывок, произведения, в которых присутствует косвенное указание на их соответствие жанру отрывка, и неоконченное (*d' inachive*). По сути, «неоконченность» является особым приемом разработки открытой формы.

Указание на «незавершенность», данное от имени литературной маски, означает недоделанность произведения, наличие в нем смысловых лакун. Предполагается, что автор остался недоволен написанным текстом, не соответствующим его представлениям об идеале, и отложил его для дальнейшей доработки. Впрочем, данный подзаголовок получают и формально завершённые тексты: басня «Червяк и попадья» и мистерия в одиннадцати явлениях «Сродство мировых сил», что разрушает логику произведения и создает ощущение бессмысленности примечания.

Рассматривая пародийно-полемический диалог Козьмы Пруткова и его авторов-создателей, в частности А.К. Толстого, можно сделать вывод о том, что, кроме аллюзии на непосредственные объекты пародий, творчество Козьмы Пруткова содержит переключки с произведениями его литературных «опекунов», чье мировоззрение представлено через призму литературной маски. При этом сами авторы-создатели также оказались «пойманными в ловушку» собственной литературной игры. Литературная маска, как уже было отмечено, получила определенную творческую самостоятельность и стала оказывать в некотором роде влияние на процесс создания собственных оригинальных произведений. Таким образом, пародийный образ имеет свою собственную поэтическую и мировоззренческую идентичность – авторское самосознание, существующее в грани-

цах некой квазиреальности, внутри которой главным творческим законом является абсурд.

Абсурдной логикой пронизано все творчество Козьмы Пруtkова. Апогеем приема создания смыслового плюрализма становится существование сразу двух эпиграмм № II: «Мне в размышлении глубококом...» и «Раз архитектор с птичницей спознался...». Наличие у автора двух разных произведений с одним названием само по себе абсурдно, но недоумение в данном случае вызывает нарушение логики счета: Козьма Пруtkов создал четыре эпиграммы, однако по нумерации их только три. Нарушение формальной логики расширяет границы творчества до экзистенциальной свободы – «я так хочу» становится определяющим поэтическим законом, воспринятым и актуализированным русской литературой первой половины XX в.

Одной из устойчивых форм продолжения и развития прутковской литературной традиции становится жанр перепева, который рассматривается на примере произведений ряда авторов. Перепев басни Козьмы Пруtkова создали Андрей Леонидов (Петр Потемкин) в стихотворении «Свобода, Сожаление и Читатель» (1906), неизвестный автор в стихотворении «Выборный, Дума и тюремщик» (1906), В.В. Маяковский в тексте «Современный Козьма Пруtkов» (1919), Даниил Хармс в стихотворении «Из дома вышел человек» (1937). К перепеву «Юнкера Шмидта» обращались Дон-Аминадо в «Подражании К. Пруtkову»¹² и Василий Князев («Юнкер Шмидт»).

Цитация афоризмов Пруtkова и заимствование устойчивых образов его творчества является самой распространенной формой реализации прутковской поэтики абсурда. Например, цикл сатирических стихотворений, подписанных псевдонимом *Иваникл Пруtkов* (видоизменение псевдонима Бориса Жирковича – *Иван Пруtkов*), отсылает читателя к пародиям Козьмы Пруtkова на античную поэзию. Озаглавлен цикл как «Эпистола», причем название имеет сноску под * – «Послание», что связано с характерной для творчества К. Пруtkова традицией избыточного комментария. На основании анализа ряда произведений можно отметить несомненное влияние поэтики абсурда, характерной для творчества Козьмы Пруtkова, на широкий круг русских писателей и поэтов первой половины XX в. При этом важно отметить, что далеко не в каждом произведении, выполненном в русле абсурда, можно проследить непосредственную связь с наследием Козьмы Пруtkова, тем не менее невозможно отрицать значимость традиции его творчества.

В параграфе 2.2 «Жанр басни в творчестве Козьмы Пруtkова и его трансформации в русской литературе первой половины XX века» рассматриваются видоизменения одного из древнейших литературных жан-

¹² РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 2. Ед. хр. 7. С. 1.

ров в произведениях последователей Козьмы Пруткова. Басни «Директора Пробирной Палатки» повлияли на трансформацию жанрового канона, что подтверждает анализ произведений Ивана Пруткова (Б.В. Жирковича), называвшего себя сыном Козьмы Пруткова. Из обширного художественного наследия Ивана Пруткова нами были выбраны десять басен, написанных с 1909-го по 1914 г. Данные произведения, относящиеся к раннему периоду творчества Б.В. Жирковича, отражают процесс формирования характерных черт его авторского стиля и опираются на пародийные и сатирические традиции, заложенные во второй половине XIX в. в творчестве Козьмы Пруткова.

Сделанный вывод убедительно подтверждают и перепевы басен Козьмы Пруткова, созданные П. Потемкиным и подписанные псевдонимом *Андрей Леонидов*. Одна из таких басен – «Свобода, Сожаление и Читатель», написанная после выхода в свет Манифеста 17 октября 1905 г., является перепевом басни «Пастух, Молоко и Читатель». Второй перепев – «Манифест и тарантайка» – логически продолжает тему прав и свобод, дарованных народу в результате Первой русской революции. Источником перепева стала еще одна басня Козьмы Пруткова – «Незабудки и запятки». В отличие от первоисточника, произведения Андрея Леонидова имеют указание на конкретный исторический факт. Как продолжение традиции и перепев прутковского текста можно рассматривать и стихотворение Д. Хармса «Из дому вышел человек».

В процессе анализа вышеназванных басен нами были отмечены и нарушения жанровой традиции, которые проявились в творчестве последователей квазиавтора и закрепились в литературной традиции как приемы травестирования и пародирования жанра.

В параграфе 2.3 «Жанр афоризма в творчестве Козьмы Пруткова и его традиции в русской литературе первой половины XX века» сопоставляется жанр афоризма в творчестве Козьмы Пруткова и его последователей – Дона-Аминадо (А.П. Шполянского), создателя «Нового Козьмы Пруткова», и Фомы Опискина (А. Аверченко), автора «Новых афоризмов Кузьмы Пруткова».

В отличие от Козьмы Пруткова, Дон-Аминадо компоновал афоризмы по разделам сообразно с тематикой, причем некоторые произведения повторялись в нескольких рубриках. У самого же квазиавтора афоризмы на рубрики не разбивались, существовало лишь два раздела, определяемых по издательскому принципу: «Плоды раздумья: мысли и афоризмы» и «Плоды раздумья: мысли и афоризмы, не включившиеся в собрание сочинений Козьмы Пруткова». Поскольку жанр афоризма предполагает публикацию идеально выверенных перлов мысли, а композиционные связи из афоризма и уточнения дискредитируют жанр и соотносятся с вариативностью поэтики абсурда, Дон-Аминадо повторы в ранг поэтического

приема не возводил, однако использовал сам принцип тематической организации афоризмов, а также перемещение афоризмов между разделами, вызывающее их переосмысление. Тематически афоризмы Дона-Аминадо частично перекликаются с афоризмами Козьмы Пруткова, но в творчестве писателя XX в. доминируют самостоятельные произведения, темы которых определяются опытом автора и историко-культурным процессом.

Заимствуя имя литературной маски Козьмы Пруткова, А.П. Шполянский подчеркивал общность поэтики афоризмов. Каламбур К. Пруткова и Нового Козьмы Пруткова служил для актуализации сатирических смыслов, делая смешными острые общественные проблемы и становясь средством обличения пороков. Само определение *Новый Козьма Прутков* указывает, что вместе с условиями жизни изменился и образ квазифилософа. Успешный до революции бюрократ вполне мог стать бедным эмигрантом, одиноким и подозрительным, однако при этом он не обязан отказываться от привычных творческих приемов.

Архив своих произведений Дон-Аминадо оформлял в виде вырезок из газет, вклеенных в альбом. Три таких альбома в настоящее время хранятся в РГАЛИ. Занимателен их внешний вид: это толстые, аккуратно переплетенные в кожу книги, на переплет которых наклеены красные таблички-обозначения с написанными золочеными буквами номерами томов. По словам архивариусов, материалы личного архива писателя поступили в РГАЛИ именно в таком внешнем виде, что неизбежно вызывает ассоциацию с нумерованными сафьянными портфелями Козьмы Пруткова. При внимательном рассмотрении подшивок было обнаружено большое количество пометок на полях: автор исправлял отдельные обороты, менял последовательность афоризмов в подборках. Таким образом, Дон-Аминадо постоянно дорабатывал произведения даже после их издания.

Крылатые выражения Фомы Опискина, далекие от дидактики и философии, имеют гораздо меньшую образность и обобщенность суждений, чем афоризмы Козьмы Пруткова, и представляют собой подобие анекдотов на современные острые политические и общекультурные темы. Имея в основе прямое или косвенное цитирование исходного текста, они напоминают перепевы прутковских афоризмов, обладая при этом злободневным политическим содержанием, актуальным для начала 1910-х гг. Например: «Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно объять необъятное!» (Козьма Прутков) – «Плюнь в глаза тому, кто скажет, что у нас конституция» (Фома Опискин); «Чувствительный человек подобен сосульке; пригрей его, он растает» (Козьма Прутков) – «Чувствительный охранник подобен сосульке: пригрей его – он тебе свалится на голову» (Фома Опискин).

Подводя итоги, можно отметить, что разработанные Козьмой Прутковым уровни игры со смыслом (фабульный алогизм, структурный алогизм

и языковая игра) наследуются в произведениях писателей первой половины XX в. Традиции, связанные с образом Козьмы Прутковка, могут имплицитно актуализироваться или демонстративно манифестироваться в русской литературе первой половины XX в. либо в непосредственной связи с творчеством Прутковка, либо без видимой привязки к нему.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования и намечаются дальнейшие перспективы изучения заявленной темы, в частности рассмотрение рецепции образа и воплощения традиций Козьмы Прутковка в русской литературе второй половины XX – начала XXI в.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Путило, А.О. Жанр эпиграммы в творчестве К. Прутковка / А.О. Путило // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 8. – Ч. 2. – С. 149–152 (0,4 п. л.).

2. Путило, А.О. Традиции сатирической басни Козьмы Прутковка в творчестве его «сына» Ивана Прутковка / А.О. Путило, Н.Е. Тропкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1 (114). – С. 132–138 (авт. – 0,3 п. л.).

3. Путило, А.О. Визуализация образа К. Прутковка на страницах журнала «Сатирикон» / А.О. Путило // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3(126). – С. 159–164 (0,5 п. л.).

Статьи в журналах и сборниках научных трудов

4. Путило, А.О. Легендарно-героическая эпизация в балладах А.К. Толстого / А.О. Путило // Вестник СНО. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2012. – № 28. – С. 140–144 (0,3 п. л.).

5. Путило, А.О. Религиозно-философские мотивы в раннем балладном творчестве А.К. Толстого / А.О. Путило // XVII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. Волгоград, 6–9 нояб. 2012 г.: сб. науч. материалов. Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2012. – С. 50–52 (0,2 п. л.).

6. Путило, А.О. Религиозно-философские мотивы в балладе А.К. Толстого «Порой веселой мая...» / А.О. Путило // Вестник СНО. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2013. – № 23. – С. 171–175 (0,4 п. л.).

7. Путило, А.О. Религиозно-философский мотив правды в балладном творчестве А.К. Толстого / А.О. Путило // XVIII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. Волгоград, 5–8 нояб.

2013 г.: сб. науч. материалов. Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2013. – С. 47–48 (0, 2 п. л.).

8. Путило, А.О. Образная система в позднем балладном творчестве А.К. Толстого / А.О. Путило // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Итоговый сборник научных работ: материалы XIV Кирилло-Мефодиевских чтений 14 мая 2013 г. – М.; Ярославль: Ремдер, 2014. – С. 38–242 (0,5 п. л.).

9. Путило, А.О. «История государства Российского от декабристов до Горбачева» И.В. Алексахина как подражание «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстого / А.О. Путило // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Итоговый сборник научных работ: материалы XV Кирилло-Мефодиевских чтений 13 мая 2014 г. – М.; Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 267–272 (0,4 п. л.).

10. Путило, А.О. Категория абсурда в творчестве К. Прутков / А.О. Путило // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Итоговый сборник научных работ: материалы XVI Кирилло-Мефодиевских чтений 19 мая 2015 г. – М.; Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 65–68 (0,3 п. л.).

11. Путило, А.О. К вопросу о жанре отрывка в творчестве К. Пруткова [Электронный ресурс] / А.О. Путило // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. – 2015. – № 3(37). – С. 88–93. – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1428656373.pdf> (0,4 п. л.).

12. Путило, А.О. К вопросу о поэтике жанра басни в творчестве К. Пруткова [Электронный ресурс] / А.О. Путило // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. – 2015. – № 6(40). – С. 97–101. – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1441608692.pdf> (0,3 п. л.).

13. Путило, А.О. Рациональное в сатирическом освещении: цикл «Медицинских стихотворений» А.К. Толстого [Электронный ресурс] / А.О. Путило // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. – 2015. – № 9(43). – С. 5–11. – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1454584820.pdf> (0,4 п. л.).

14. Путило, А.О. Козьма Прутков и наследники его творческого «Я» (на примере сопоставления с «лозунгами эгофутуризма» Игоря Северянина и «Руководством для начинающих гениев» Николая Глазкова) / А.О. Путило // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад-Восток: материалы Международ. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения», 24 мая 2016 г. – М.; Ярославль: Ремдер, 2016. – С. 375–381 (0,4 п. л.).

15. Путило, А.О. Жанр эпиграммы в творчестве К. Пруткова / А.О. Путило // XX региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области: тез. докл. Волгоград, 8–11 дек. 2015 г. Напр. 11 «Био-

логия и география»; Напр. 12 «Педагогика и психология»; Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. – С. 140–143 (0,2 п. л.).

16. Путило, А.О. Творчество К. Прутков как рецепция мировоззрения А.К. Толстого / А.О. Путило // XX региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области: тез. докл. Волгоград, 8–11 дек. 2015 г. Напр. 11 «Биология и география»; Напр. 12 «Педагогика и психология»; Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. – С. 156–158 (0,3 п. л.).

17. Путило, А.О. Юмор и сатира в изображении периода Великой Отечественной войны (на примере поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин» и романа В.Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина») [Электронный ресурс] / А.О. Путило // СтРИЖ: студ. электрон. журн. – 2017. – № 6(17). – С. 41–44. – URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1512926638.pdf> (0,3 п. л.).

18. Путило, А.О. Пространство басен Козьмы Пруткова и Петра Потемкина / А.О. Путило // Восток – Запад: Пространство русской литературы и фольклора: сб. ст. по итогам седьмой Междунар. науч. конф. (заочной), посвящ. 90-летию со дня рождения Д.Н. Медриша. – Волгоград, 15 дек. 2016 г. / отв. ред. Н.Е. Тропкина. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2017. – С. 250–254 (0,4 п. л.).

19. Путило, А.О. Традиции сатирической басни Козьмы Пруткова в творчестве его «сына» Ивана Пруткова / А.О. Путило // XXI региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. Волгоград, 9–11 нояб. 2016 г. Напр. 11 «Биология и география»; Напр. 12 «Педагогика и психология»; Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – С. 138–140 (0,3 п. л.).

20. Путило, А.О. Осмысление образа Козьмы Пруткова в процессе его визуализации на страницах журнала «Сатирикон» [Электронный ресурс] / А.О. Путило // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. – 2018. – № 1(54). – С. 44–47. – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1519852772.pdf> (0,4 п. л.).

21. Путило, А.О. Анахронизм как качество образа К. Пруткова / А.О. Путило // XXII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области: тез. докл. Волгоград, 21–24 нояб. 2017 г. Напр. 12 «Биология и география»; Напр. 13 «Педагогика и психология»; Напр. 14 «Филология». – Волгоград: Науч. изд-во ВГСПУ «Перемена», 2018. – С. 151–153 (0,2 п. л.).

ПУТИЛЮ Анна Олеговна

КОЗЬМА ПРУТКОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА И ТРАДИЦИИ ТВОРЧЕСТВА

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 27.09.18. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Типография Научного издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27